

РАЗЛОМ ЛАЗУРНЫХ НЕБЕС II

Кровавый Владыка

Р О М А Н

Кирилл Прикота

Разлом Лазурных Небес 2

<https://litres.ru/74350242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Клан Йе получает письмо от Совета Континента: крупнейший за полвека отбор для юных культиваторов со всех земель Девяти Стихий, и кто-то в столице лично отметил имя вчерашнего изгоя — «мальчик с Расколом». Йе Хань, его вечный соперник-кузен Йе Хун, алхимик Су Юэ и верный друг Чэнь Лэй отправляются в Ланьтянь, город тысячи шпилей под легендарным золотым шрамом небес. Но турнир — лишь прикрытие: Секта Кровавой Луны, уцелевшая после разгрома в родовых землях, готовит ритуал, способный ослабить настоящую темницу Кровавого Владыки — древнего врага, запечатанного десять тысяч лет назад ценой свободы духа, что спит в кольце героя. Когда столица вспыхивает войной прямо в разгар финала турнира, Йе Ханю предстоит второй, куда более страшный Раскол — и цена за него будет выше, чем в первый раз.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Кирилл Прикота

Разлом Лазурных Небес 2

Глава

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Письмо Совета

Глава 2. Дорога в столицу

Глава 3. Город Тысячи Шпилей

Глава 4. Лин Фэн

Глава 5. Отборочный тур

Глава 6. Тень в тронном зале

Глава 7. Уроки Тени Сюаня

Глава 8. Алхимический тур

Глава 9. Полуфинал: Ёе Хань против Лин Фэна

Глава 10. Ночное покушение

Глава 11. Раскрытие заговора

Глава 12. Финал турнира и штурм столицы

Глава 13. Битва за Ланьтянь

Глава 14. Кровавый ритуал

Глава 15. Раскол Небес II

Глава 16. Континент смотрит

Глава 1

Письмо Совета

* * *

Клан Йе не спал уже вторые сутки.

Слух родился где-то у Восточных ворот — там, где стражники первыми увидели гонца в белом плаще с серебряной каймой, — и за одну ночь облетел все дворы, все кухни, все казармы, обрастая подробностями, как снежный ком обростает снегом. К рассвету версий было столько же, сколько языков в клане: одни шептали, что Совет Континента объявляет войну землям Пепла; другие — что Ланьтянь горит; третьи, самые смелые, уверяли, будто сама принцесса-регент решила почтить клан Йе личным визитом.

Правду знали немногие. Но и полуправды хватило, чтобы к полудню тренировочная площадка перед Залом Предков была забита людьми плотнее, чем в дни большого сбора урожая.

Йе Хань стоял в задних рядах, у самой стены, и слушал, как вокруг него кипит десяток разговоров сразу.

— ...говорю тебе, письмо запечатано печатью самого Совета, я своими глазами видел, у гонца на плече...

— А кто-то слышал, будто в письме есть имя. Прямо по имени кого-то из наших зовут.

— Да ладно тебе врать.

— Не вру! Спроси у стражи Восточных ворот!

Йе Хань старался не улыбаться. Полгода назад — да что там, три месяца назад — эти же самые люди переходили на другую сторону улицы, завидев его издалека. Мальчишка со

сломанными меридианами, позор боковой ветви, тот, кого даже собственные тётки стеснялись называть племянником. А теперь двое молодых культиваторов, стоявших плечом к плечу с ним, то и дело косились в его сторону с таким видом, будто боялись, что он растворится в воздухе, если оказать ему слишком много внимания.

Слава — вещь суетливая. Она приходит без стука и рассаживается в доме, даже не спросив разрешения.

— Не могу поверить, что ты стоишь тут, как простой зевака, — раздался в голове знакомый, слегка скучающий голос. — Мальчик-с-Расколом, гроза южных гор, и жмётся к стене, будто боится, что его выгонят вшаей. Хоть бы для приличия сделал вид, что тебе всё это льстит.

«Мне не льстит, — мысленно ответил Йе Хань. — Мне тревожно».

— Как скучно с тобой стало разговаривать после того, как ты перестал быть неудачником, — вздохнула Тень Сюань. — Раньше было веселее. Ты хотя бы дулся артистично.

Из ворот Зала Предков вышли старейшины — процессией, неторопливо, как и подобает людям, чей возраст исчисляется веками, — и толпа сама собой раздалась, пропуская их к возвышению. Последним, чуть отступив от прочих, шёл Йе Тан. За последние месяцы отец как будто стал выше ростом — или, может, просто держал спину прямее с тех пор, как сын перестал быть его позором.

Старший из старейшин, дядя Йе Фэн, поднял руку, и пло-

шадь стихла быстрее, чем гаснет свеча под ладонью.

— Клан Йе, — произнёс он, и голос его, усиленный техникой ци, прокатился над толпой волной, — сегодня утром в наши ворота постучал гонец Совета Континента. Письмо адресовано главе клана, но касается всех нас. Пусть Йе Тан огласит его сам — он вправе.

Йе Тан вышел вперёд. В руках у него был свиток — плотный, кремового цвета, с печатью в форме девяти сплетённых лепестков, по числу Девяти Стихий. Он развернул его медленно, будто хотел дать толпе время унять дыхание, и начал читать.

— «Клану Йе, землям Грома, — Совет Континента шлёт приветствие...»

Официальные обороты сыпались один за другим — здравницы, титулы, перечисление добродетелей клана, каких хватило бы на десяток похоронных речей. Йе Хань слушал вполуха, пока голос отца не изменился — не громкостью, а тем едва уловимым напряжением, с каким читают строки, которые сам не до конца можешь осмыслить.

— «...посему Совет объявляет Великий Отбор Юных Культиваторов — торжество, какого земли Девяти Стихий не видели полвека. В столицу Ланьтянь, под сень Шрама Небес, приглашаются достойнейшие юноши и девушки со всего континента, дабы явить свою силу, испытать себя в честном состязании и снискать внимание Совета, старших сект и самой принцессы-регента Юэ Лань...»

По толпе пронёсся вздох — полвека. Большинство из здесь стоящих даже не родились в последний раз, когда Совет созывал такое.

Йе Тан помолчал секунду, прежде чем продолжить, и Йе Хань — только он один, наверное, — заметил, как дрогнули пальцы отца на краю свитка.

— «Особо Совет отмечает: среди клана Йе, по донесениям, имеется юноша по имени Йе Хань, чей прорыв минувшей осенью породил золотую трещину в небе — знак, кой земли Девяти Стихий издревле именуют Расколом. Совет желает видеть его среди участников Отбора лично».

Тишина, стоявшая после этих слов, была совсем другой, чем прежняя, шумная. Она была плотной, как вода перед прыжком.

А потом кто-то в задних рядах не выдержал и охнул вслух, и площадь взорвалась разом — сотней голосов, поворачивающихся к Йе Ханю, как подсолнухи к солнцу.

— Значит, вот оно как, — прошептала Тень Сюань где-то на границе его сознания, и веселья в её голосе поубавилось. — Не просто слухи долетели до столицы. Кто-то из Совета лично разглядел твоё имя в этой куче донесений и решил его подчеркнуть. Мальчик мой, в такие моменты я предпочитаю не радоваться раньше времени.

«Думаешь, плохой знак?»

— Думаю, что внимание Совета — это нож с двумя лезвиями, и оба у твоего горла.

Старейшина Йе Фэн поднял руку, призывая к тишине, но и его голосу пришлось побороться с гулом голосов, прежде чем площадь снова стихла.

— Клан Йе примет приглашение, — объявил он. — Отказ Совету равносителен пощёчине всему континенту, а такой чести, как быть отмеченными лично, не было у нашего клана лет двести. Мы отправим делегацию — и отправим достойно.

Начался спор — тихий поначалу, между старейшинами на возвышении, потом всё громче, — кого включить в число едущих. Названия звучали одно за другим: старших бойцов, заслуженных мастеров формаций, даже одного из вице-старейшин предлагали в сопровождение. Но всякий раз голос Йе Фэна возвращал разговор к одному:

— Совет назвал имя Йе Ханя. Он едет — вне обсуждения. Вопрос лишь в том, кто едет с ним.

Йе Хун стоял чуть впереди, у самого возвышения, — по праву наследника ему полагалось место рядом со старейшинами, а не в толпе, как двоюродному брату. Йе Хань видел только его спину, прямую и напряжённую, но и этого хватило, чтобы понять — брату сейчас нелегко.

Полгода назад именно Йе Хун считался гордостью клана, единственным наследником, чьё имя произносили с придыханием. А теперь Совет Континента, обращаясь к клану Грома, назвал по имени не его.

— Йе Хун поедет представителем прямой линии, — про-

изнёс наконец Йе Фэн, и в этом решении Йе Хань различил не только политику, но и некое неловкое милосердие. — Двое — довольно. Клан Йе не должен выглядеть так, будто гонится за отражённой славой одного юноши.

Йе Хун коротко склонил голову — жест безупречно правильный, ни искры протеста в лице. Но когда он повернулся, чтобы уходить, взгляд его на долю мгновения зацепился за Йе Ханя, и в этом взгляде смешалось столько всего сразу — обида, гордость, что-то похожее на вызов и что-то похожее на уважение, — что Йе Хань не сумел бы назвать это одним словом, даже если бы захотел.

Позже, когда толпа схлынула и площадь опустела до обычной вечерней тишины, к воротам клана подошли ещё двое.

Су Юэ явилась в дорожном плаще Павильона Ста Трав — простом, без вышивки, но безупречно чистом, как и всё, что она носила. За её спиной висел знакомый лекарский короб, из которого торчали связки сушёных трав.

— Мастер Лин отправляет меня представлять Павильон на Отборе, — сказала она без предисловий, будто это было решено ещё до того, как гонец успел доскакать до Восточных ворот. — Алхимический тур идёт параллельно основному состязанию. Я подумала... раз уж мы всё равно едем в одну сторону.

— Подумала правильно, — ответил Йе Хань, и что-то в груди у него потеплело — глупо, по-мальчишески, но он давно перестал этого стесняться.

— Раз она едет, то и я еду, — объявил Чэнь Лэй, появляясь из-за угла с мешком, набитым так плотно, что швы едва держались. — Кто-то же должен нести всю эту алхимическую утварь. И следить, чтобы ты, — он ткнул пальцем в сторону Йе Ханя, — не наделал глупостей в компании принцесс и мечников из благородных кланов.

— Ты половину этих вещей сам себе напихал, признайся.

— Сушёное мясо — не роскошь, а необходимость! В дороге будет голодно, помани моё слово...

— Дорога займёт три дня, Чэнь Лэй.

— Вот именно! Три голодных дня!

Йе Хань невольно улыбнулся. Как бы ни изменилась его жизнь за последние месяцы, друзья остались прежними — и это, пожалуй, было единственное, за что он мог быть по-настоящему спокоен.

* * *

Вечером, когда сборы уже почти закончились, а над кланом опустились фиолетовые сумерки, Йе Хань застал Мужун Юэ Ин у пруда с лотосами — там же, где встречал её не раз до всей этой истории с расторгнутой помолвкой, до Раскола, до того, как его имя стало звучать иначе в устах клана.

Она обернулась, когда он подошёл, и на миг между ними повисла та особая, чуть неловкая тишина, что бывает только между людьми, у которых было будущее, а стало — просто хорошее прошлое.

— Значит, едешь в столицу, — сказала она наконец. —

Мальчик-с-Расколом.

— Не зови меня так. Особенно ты.

— Почему особенно я?

Он не сразу нашёл ответ. Не потому что нечего было сказать, а потому что слов было слишком много, и все — не совсем те.

— Потому что ты знала меня, когда никакого прозвища не было, — сказал он наконец. — Когда я был просто Ёе Ханем, у которого сломаны меридианы и нет будущего. Ты не отвернулась тогда — хотя формально имела на это полное право.

Мужун Юэ Ин чуть улыбнулась — грустно, но без горечи.

— Клан всё равно расторг бы помолвку, я или нет. Такие уж законы у знатных семей: женятся на силе, а не на человеке. — Она помолчала, разглядывая лотосы. — Я рада, что ошиблась на твой счёт. Не многим в жизни везёт ошибиться так удачно.

— Юэ Ин...

— Не нужно, — она мягко покачала головой, и в этом жесте не было ни капли обиды — только спокойное, взрослое принятие. — Я вижу, как ты смотришь на алхимика из Павильона. И это правильно, Ёе Хань. Правда. Просто... будь осторожен там, в столице. Слухи бегут быстрее гонцов, а Совет — это не наш клан, там никто не станет прикрывать тебя по-родственному.

— Буду, — пообещал он, и это было честнее любых кра-

сивых слов.

Она кивнула, будто ставя точку в разговоре, который давно перестал требовать продолжения, и первая пошла прочь — не оглядываясь, но и не торопясь, как человек, закрывающий дверь тихо, без хлопка.

* * *

Той же ночью, когда клан наконец затих, а сборы были почти завершены, Йе Хань сидел на краю кровати, вертя в пальцах чёрное кольцо, и разговаривал с духом, который слышал только он.

— Итак, — произнесла Тень Сюань, и в её голосе появилась та особая интонация, с которой она обычно предваряла разговоры, каких Йе Хань предпочёл бы избежать, — позволь высказаться начистоту, пока ты ещё не увяз по уши в столичной политике.

«Говори».

— Отбор такого масштаба созывает не только юных бойцов, мальчик мой. Он созывает старейшин всех девяти земель, послов сект, о которых ты и не слыхивал, и — что важнее всего — глаза, которые умеют видеть то, что скрыто. Полвека без подобного сбора означает полвека накопленного любопытства. А ты явишься туда с печатью Императора Пустоты в перстне на пальце и золотой трещиной за спиной, как объявление на воротах постоянного двора.

«Думаешь, кто-то распознает печать?»

— Думаю, что среди тысяч гостей столицы найдётся хотя

бы один, чей взгляд острее, чем у деревенского старейшины. Мир велик, Йе Хань, а печать десяти тысячелетней давности — не та вещь, что прячется от всех сразу.

Йе Хань помолчал, сжав кольцо чуть крепче.

«А если найдётся?»

Тень Сюань не ответила сразу — и в этом молчании, необычном для неё, было больше тревоги, чем в любых словах.

— Тогда, — сказала она наконец, — мы узнаем, кто на континенте всё ещё помнит войну десяти тысячелетней давности. И поверь мне, мальчик, среди живущих таких найдётся куда больше, чем тебе бы хотелось.

— Обнадёживает, — сухо заметил он вслух, и тут же одёрнул себя — не стоило говорить вслух в доме, где стены слышат.

— Я вообще-то стараюсь тебя не обнадёживать, а предупредить, — фыркнула Тень Сюань, но тут же, будто смягчаясь, добавила: — Впрочем... раз уж тебе всё равно ехать — постарайся хотя бы не привлекать внимания больше необходимого. Побеждай ровно настолько, чтобы выжить, и ни капель больше. Слышишь меня?

«Слышу».

— В прошлый раз ты говорил то же самое перед прорывом, который расколол небо на глазах половины клана.

«В прошлый раз это было необходимо».

— Столица, — заметила Тень Сюань с философским

вздохом, — умеет делать необходимым абсолютно всё. Готовься.

* * *

Рассвет застал делегацию клана Йе у Западных ворот — тех самых, что вели прочь от родовых земель, к тракту, петлявшему меж холмов в сторону далёкой столицы.

Йе Хань стоял чуть в стороне от остальных, закинув дорожный мешок за плечо, и смотрел не назад, на клан, а вперёд — туда, где в утренней дымке едва угадывались горы, отделявшие земли Грома от всего остального континента. Где-то за этими горами, за многими днями пути, лежал Ланьтянь — город под золотым шрамом небес, город, где решится не только его судьба, но, быть может, судьба куда большая, чем он сам пока смел вообразить.

Рядом встал Йе Тан. Отец не сказал ничего — просто положил руку сыну на плечо, тяжело и коротко, как делал это редко, и в этом жесте было больше, чем в любой прощальной речи.

— Возвращайся, — сказал он наконец. — Со славой или без — не важно. Просто возвращайся.

— Вернусь, — пообещал Йе Хань.

Позади него Чэнь Лэй что-то бормотал про недостаточный запас сушёного мяса, Су Юэ проверяла завязки на лекарском коробе, а Йе Хун стоял чуть поодаль, глядя на те же горы с тем же непроницаемым лицом, за которым — Йе Хань теперь это знал — пряталось куда больше, чем наслед-

ник клана готов был показать.

Ворота открылись.

Йе Хань сделал первый шаг за пределы земель, на которых родился, — и земля под ногами была той же самой землёй, что и вчера, только вела теперь совсем в другую сторону.

Впереди лежал тракт, горы, и где-то за ними — весь континент Девяти Стихий, огромный и незнакомый, ждущий, чтобы узнать имя мальчика, для которого небеса однажды раскололись на двоих.

Глава 2

Дорога в столицу

* * *

Дорога на Ланьтянь петляла между холмами, точно ленивая змея, что не спешит никуда поползти. Три дня пути — так рассчитал управляющий караваном, — и все три дня Йе Хань не переставал удивляться одному простому факту: путешествовать вчетвером оказалось куда труднее, чем сражаться в одиночку.

— Опять ты неправильно держишь котелок, — Чэнь Лэй выхватил у него из рук закопчённую посудину так резко, что чуть не расплескал воду. — Ты Раскол совершил, а с костром управиться не можешь. Где справедливость?

— Раскол не учит варить кашу, — буркнул Йе Хань, отряхивая обожжённые пальцы.

— А зря. Небесам стоило бы предусмотреть это в комплекте.

Тень Сюань, привычно устроившийся где-то на грани сознания Йе Ханя, отозвался с ленивой насмешкой: «Десять тысяч лет назад Императоры Пустоты не готовили себе кашу сами. На то были слуги. Целые дворцы слуг».

«Похвастался — и хватит», — мысленно огрызнулся Йе Хань, подкидывая в костёр ветку.

Лагерь они разбили на широкой поляне у ручья: трое повозок каравана — с провизией, с дарами клана для Совета и с вещами делегатов — стояли полукругом, будто маленькая крепость. Стражи клана, пятеро опытных бойцов ранга Земного Воина, обходили периметр по очереди, но в первый вечер напряжение уже начало спадать: дорога была спокойной, разговоры — ленивыми, а закатное небо над холмами — таким мирным, что даже Йе Хун, обычно не расстававшийся с хмурой миной, позволил себе снять верхний халат и сесть у огня без доспеха.

Это было странно — видеть двоюродного брата так близко, без привычной стены титулов и старшинства между ними. Всю жизнь Йе Хун смотрел на него сверху вниз — сын главной ветви на сына опальной; а теперь они сидели у одного костра, ели из одного котла, и никто не спешил напоминать, кто здесь главный.

— Передай соль, — сказал Йе Хун, не глядя.

Йе Хань молча протянул мешочек. Хун взял его, помедлил секунду — будто ждал подвоха, — и коротко кивнул. Ни «спасибо», ни колкости. Просто кивок. Для Йе Хуна это бы-

ло почти нежностью.

— Смотрите-ка, — шёпотом подметил Чэнь Лэй, наклонившись к Су Юэ, которая раскладывала на плоском камне пучки сушёных трав. — Кажется, это первый вечер за девятнадцать лет, когда они не пытаются друг друга убить взглядом.

— Дай им время, — так же тихо ответила она, пряча улыбку. — Обоим нужно привыкнуть, что теперь они по одну сторону.

Су Юэ вообще держалась в дороге на удивление легко — доставала из своей сумки то пучок целебных трав для стёртых ног стражи, то щепотку пряностей, чтобы разнообразить походную похлёбку, то книгу рецептов, в которую что-то вечно записывала при свете костра. Павильон Ста Трав отправил её как представительницу на алхимический тур — честь немалая для её возраста, — но она несла её без тени высокомерия, свойственного иным адептам благородных школ.

— Опять записываешь? — Йе Хань подсел рядом, глядя, как быстро бегают по бумаге её кисть.

— Свойства местных трав, — не отрываясь, ответила она. — В этих холмах растёт разновидность духовного шалфея, какой не встретишь у нас в клане. Если высушить его на утреннем ветру, а не на солнце, сохраняется вдвое больше ци.

— Ты даже в путешествии не отдыхаешь.

— А ты даже в путешествии таскаешь дрова, хотя стражники трижды предлагали сделать это за тебя, — парировала она, и в её голосе впервые за вечер прозвучал смех.

Он не нашёлся с ответом и просто подбросил ещё одно полено в огонь. Пламя взметнулось, на миг ярко высветив её лицо — сосредоточенное, тёплое в отблесках, с прядью волос, выбившейся из причёски и упавшей на щеку. Йе Хань поймал себя на том, что смотрит дольше, чем следовало бы.

— У тебя сажа на носу, — сказала она вдруг, и не дожидаясь его реакции, потянулась и легонько провела рукавом по его лицу, стирая чёрную полосу.

Прикосновение было мимолётным — меньше вдоха, — но Йе Хань замер, будто кто-то на секунду остановил для него время. Су Юэ тоже замерла, рука ещё в воздухе, глаза встретились с его глазами через огонь, и ни один из них не двинулся, чтобы разорвать этот момент первым.

— Вот так, — тихо сказала она наконец, отводя руку. Но не отвела взгляда сразу.

— Спасибо, — так же тихо ответил он.

Где-то у повозок Чэнь Лэй нарочито громко закашлялся, чтобы разрядить неловкость, но никто из них двоих не заметил — оба продолжали смотреть друг на друга поверх костра ещё пару секунд, прежде чем Су Юэ первой отвела глаза, пряча улыбку в чашке травяного отвара.

«Как трогательно, — заметил Тень Сюань где-то в глубине сознания, с непривычной для себя мягкостью в тоне. —

Десять тысяч лет назад я бы сказал, что такие мгновения — слабость культиватора. Теперь я не так уверен».

«Ты сегодня прямо философ», — мысленно отозвался Йе Хань, чувствуя, как тепло от костра — или не только от костра — расходится по груди.

«Я видел слишком много воинов, забывших, ради чего они сражаются. Не забывай ты».

Ночь опустилась быстро, как это бывает в предгорьях. Стражники сменились на посту, Чэнь Лэй затянул было песню про пьяного заклинателя, но, не допев и половины, захрапел прямо у костра, привалившись спиной к тюку с провизией. Йе Хун ушёл к дальней повозке проверить упряжь — привычка главной ветви, вьёвшаяся в кровь: не доверять чужим рукам важные вещи. Су Юэ, пожелав всем спокойной ночи чуть более тёплым голосом, чем обычно, скрылась в своей палатке.

Йе Хань остался у гаснущего костра один, перебирая в памяти этот вечер, когда воздух вдруг переменился.

Он не услышал шагов — их не было. Он почувствовал разрыв в ткани ночи, будто кто-то аккуратно, но грубо разорвал полог тишины вокруг лагеря. Кольцо на пальце вдруг стало холодным.

«Хань. Не смотри — слушай», — голос Тени Сюаня прозвучал резко, без всякой насмешки. «Они здесь. Много».

Он вскочил на ноги за мгновение до того, как первая тень метнулась из темноты леса.

— Тревога! — крикнул он, и крик разорвал ночь громче любого удара гонга.

Атака хлынула со всех сторон одновременно — расчёт был точным, слишком точным для случайных разбойников. Фигуры в чёрных плащах с вышитым на груди символом убывающей луны выступили из темноты бесшумно, как призраки, и с первых же движений было ясно: это не грабители. Разведчики Секты Кровавой Луны — те самые, о которых предупреждал отец перед отъездом.

Первый клинок метил Йе Ханю в горло. Он отбил его тыльной стороной предплечья, чувствуя, как ци жалит кожу даже сквозь защитный поток, — противник был не из слабых, ранг не ниже Дух-Воина, а по резкости движений — возможно, и выше. Йе Хань отступил на шаг, оценивая: их было не меньше дюжины, окружавших лагерь плотным кольцом.

— Дядя! — рявкнул стражник, отбивая двоих сразу, но третий уже проскользнул мимо него к повозкам.

Лагерь мгновенно превратился в поле боя. Чэнь Лэй, ещё секунду назад храпевший у костра, скатился в сторону от удара, вскочил на ноги с мечом в руке и коротким смешком, за которым угадывался нешуточный испуг:

— Вот тебе и спокойная дорога! Я же говорил — не сглазить бы!

— Меньше слов, — процедил Йе Хун, оказавшийся рядом с ним спина к спине почти инстинктивно; они не сговарива-

лись, просто так вышло, что их защитные стойки идеально дополнили друг друга, будто отработанные годами, а не рождённые прямо сейчас, впервые.

Су Юэ выскочила из палатки с алхимическим кинжалом в одной руке и мешочком порошка в другой — не боевого адепта движения, но точные, отработанные годами обращения с реагентами. Она метнула горсть в лицо ближайшему нападавшему, и тот отшатнулся, хрипя и хватаясь за обожжённые кислотой глаза.

— Едкий корень! — крикнула она Йе Ханю, перекрывая шум боя. — Действует на весь клан Кровавой Луны — у них слабость к щёлочи!

— Запомню! — отозвался он, разворачиваясь навстречу новому противнику.

Он бился, сдерживаясь — и это было труднее всего. Настоящая его сила после Раскола могла бы смести половину этого отряда одним ударом, но раскрыть её здесь, перед случайными свидетелями на дороге, означало отправить в столицу весть о себе быстрее, чем доедет сама делегация. Поэтому он двигался расчётливо, экономно, используя лишь малую долю потока, скрывая истинную технику под видом обычных клановых приёмов грома — резких, быстрых, но не выходящих за рамки того, что мог бы показать способный, но не выдающийся адепт его ранга.

«Труднее сдерживаться, чем убивать в полную силу, — заметил Тень Сюань, наблюдая за боем его глазами. — Это

признак зрелости. Или глупости. Иногда я не могу отличить одно от другого».

«Спасибо за поддержку», — прорычал Йе Хань, уклоняясь от удара и контратакуя ладонью в грудь противника — тот отлетел на добрых три чжана, впечатался в ствол дерева и обмяк.

Бой длился считанные минуты, но казался бесконечным. Стражники клана держали строй у повозок, отбивая волну за волной; Йе Хун, вопреки всем ожиданиям Йе Ханя, сражался с холодной, отточенной яростью — его техника, всегда казавшаяся показной на тренировочных площадках клана, здесь, в настоящей схватке, раскрылась во всей своей практичности. Он прикрывал спину Чэнь Ляэ без единого слова благодарности от того и без единой просьбы об этом.

— Их цель — не караван, — крикнула вдруг Су Юэ, отбивая нападавшего вспышкой алхимического огня. — Смотрите, куда они рвутся!

Йе Хань проследил за её взглядом — и понял. Трое сектантов, игнорируя всех остальных, пробивались напрямую к нему, вернее — к его руке. К кольцу.

«Печать, — прошипел Тень Сюань. — Они ищут не тебя, Хань. Они ищут меня — точнее, то, что во мне заперто. Мо Чан прислал их не за твоей жизнью — за кольцом».

Ближайший из троих — судя по повязке, старший разведчик — рванулся вперёд с клинком, окутанным тёмно-багровой ци, и на этот раз Йе Хань не стал сдерживаться до кон-

ца: он позволил себе на долю мгновения больше силы, чем планировал, встречая удар ладонью, окутанной потрескивающим грозовым разрядом. Клинок разлетелся веером осколков, а сам разведчик отшатнулся, тряся онемевшей рукой.

— Печать не про твою честь, — процедил он сквозь стиснутые зубы, странным, чуть искажённым голосом, будто говорил не только за себя. — Верховный Жрец получит своё. Рано или поздно.

— Передай своему жрецу, — Йе Хань шагнул вперёд, — что печать останется там, где она есть.

Разведчик не ответил — вместо этого резко свистнул, короткий, пронзительный сигнал, и оставшиеся сектанты начали отход столь же слаженно, как и нападали, растворяясь в темноте леса быстрее, чем стражники успели их окружить.

Именно в этот миг, когда пыль боя ещё не успела осесть, а сердце Йе Ханя колотилось от схлынувшего напряжения, он поднял взгляд к дальнему холму, что возвышался над поляной чёрным силуэтом на фоне звёздного неба.

Там стояла фигура.

Неподвижная, безмолвная — человек в тёмных одеждах, чей плащ едва заметно шевелился на ветру, стоял на самой вершине холма и смотрел вниз, на лагерь, на затихающий бой, на самого Йе Ханя. Расстояние было слишком велико, чтобы разглядеть лицо, но что-то в самой позе, в спокойной, почти ленивой уверенности этого силуэта отозвалось в груди Йе Ханя холодным узнаванием.

— Хуэй Ша, — прошептал он одними губами.

Тень Сюань напрягся внутри его сознания — Йе Хань физически ощутил, как дух подобрался, будто зверь перед прыжком. «Он не вмешался. Он просто смотрел».

Фигура на холме не двигалась ещё секунду — достаточно долго, чтобы Йе Хань успел выхватить меч и шагнуть в её сторону, — а затем растворилась в темноте так же беззвучно, как появилась, без единого прощального жеста, без единой угрозы, брошенной вслух. Просто исчезла, будто её и не было.

— Что это было? — Чэнь Лэй, тяжело дыша, подошёл ближе, вытирая кровь с рассечённой брови. — Мне не почудилось? Там кто-то стоял?

— Не почудилось, — мрачно ответил Йе Хань, всё ещё глядя на пустой теперь холм.

Су Юэ подошла с другой стороны, её рука на миг легла ему на плечо — не романтический жест, а просто человеческая опора после боя, но он был благодарен за неё вдвойне.

— Ты его знаешь, — тихо сказала она, не спрашивая, а утверждая.

— Хуэй Ша, — ответил за него Йе Хун, останавливаясь рядом, лицо его было бледным, но голос твёрдым. — Уцелевший старейшина Кровавой Луны. Отец рассказывал о нём перед отъездом. Он поклялся вернуться за братом.

Впервые за весь вечер Йе Хун произнёс слово «брат» без всякой издёвки в голосе — просто как факт.

Стражники, оправившись от боя, начали проверять раненых — их было немного, порезы да ушибы, никто не погиб, — и собирать разбросанное снаряжение. Костёр, разбросанный в схватке, кто-то уже сгребал обратно в кучу, и языки пламени вновь потянулись вверх, отвоёвывая свет у ночи.

Йе Хань опустился на бревно у огня, чувствуя, как отступает боевой азарт, оставляя за собой тяжёлую, липкую усталость. Кольцо на пальце всё ещё было чуть холодным, будто помнило близость чужой, враждебной силы.

«Он не сражался», — сказал он мысленно, обращаясь к Тени Сюаню. «Просто смотрел. Почему?»

Дух ответил не сразу — и когда наконец заговорил, в его голосе не было привычной насмешки, только настороженность, какой Йе Хань прежде почти не слышал за все месяцы их связи.

«Потому что в прошлый раз он недооценил тебя и заплатил за это своей рукой и половиной силы. В этот раз он оценивает — сколько ты вырос, чего стоишь на самом деле, стоит ли рисковать своим лучшим бойцом ради разведки. Секта не отступилась, Хань. Она стала осторожнее. А осторожный враг опаснее вдесятеро — потому что он больше не будет бить наугад».

«Значит, следующая атака будет умнее».

«Следующая атака, — мрачно поправил Тень Сюань, — будет там, где ты меньше всего этого ждёшь. И я подозреваю, что цель — не только кольцо. Мо Чан использует турнир как

приманку — для тебя, для меня, для чего-то большего, что я пока не могу разглядеть отсюда. Будь начеку в столице, Хань. Шрам в небе над Ланьтянем — не просто память о старой войне. Возможно, это ещё и открытая рана».

Йе Хань поднял взгляд на своих спутников — на Чэнь Лэя, что уже пытался неловко шутить, чтобы снять напряжение с остальных; на Йе Хуна, молча затачивающего лезвие меча у огня, впервые за весь день не отводящего взгляда, когда их глаза случайно встречались; на Су Юэ, склонившуюся над раненым стражником с пучком целебных трав в руках, чьи пальцы всё ещё чуть заметно дрожали от пережитого, но движения оставались точными и уверенными.

Дорога в столицу только начиналась, а континент уже показал им первый оскал.

— Выступаем на рассвете, — сказал он вслух, и никто не стал спорить.

Костёр трещал в ночи, отбрасывая длинные тени на четыре силуэта, что теперь, после общей крови и общего страха, сидели вокруг него чуть ближе друг к другу, чем накануне вечером. А далеко на холме, там, где недавно стояла фигура в тёмном плаще, ветер шевелил высокую траву — единственный свидетель того, что кто-то следил за ними в темноте и ушёл, унося с собой лишь одно: подтверждение, что мальчик с Расколом стал сильнее, чем ожидал даже он сам.

Глава 3

Город Тысячи Шпилей

* * *

Йе Хань увидел столицу за полдня до того, как увидел её стены.

Сначала это была просто светлая полоса на горизонте, будто кто-то смазал краем ладони серую акварель холмов. Потом полоса начала расти, ветвиться, обрастать деталями, и только ближе к полудню Йе Хань понял, что смотрит не на скалы и не на облака — а на шпили. Десятки, сотни, потом — не сосчитать. Они поднимались из туманной дымки, как частокол игл, вонзённых в живот неба, и чем ближе подъезжала повозка, тем яснее становилось: этому городу нет конца ни вширь, ни ввысь.

— Закрой рот, — беззлобно посоветовал Чэнь Лэй, толкая его локтем. — А то влетит какой-нибудь ци-камень.

— Сам закрой, — не оборачиваясь, ответил Йе Хань, хотя чувствовал, что и у самого рот приоткрыт уже добрых полминуты.

Дорога вилась вдоль широкого канала, и по воде скользили лодки — узкие, лаковые, с резными носами в виде драконьих голов, и грузные, баржи-переростки, гружённые ящиками с рудой и клетками с кричащими духовными зверями. Вдоль каналов тянулись улицы, а на улицах — толпа, такая, что Йе Хань раньше видел разве что на клановых праздниках, и то лишь бледное её подобие. Здесь смешивались одежды всех девяти земель: тяжёлые меховые плащи северян, шёлковые многослойные наряды южных сект с выши-

тыми огненными птицами, лёгкие кожаные доспехи горных кланов, странные, будто сотканные из тумана одеяния, в которых Ёе Хань с запозданием узнал школу культиваторов Пустоты. Над толпой то и дело взмывали фигуры — кто на мечях, кто верхом на духовных зверях с перепончатыми крыльями, кто просто длинным прыжком, от которого у обычного человека перехватило бы дыхание, а здесь никто и головы не поворачивал.

— Дед рассказывал, — негромко произнёс Ёе Хун, тоже не отрывая взгляда от города, — что в столице культиватор рангом Дух-Воина — это как капля в море. Я думал, он преувеличивает.

— Он не преувеличивал, — сказала Су Юэ. Она стояла в повозке, вцепившись в борт, и на лице у неё было то же самое выражение детского изумления, какое Ёе Хань, наверное, сам сейчас носил, только она хотя бы пыталась его скрыть. — Смотрите, вон там, над той башней с зелёной крышей — это же знак Павильона Ста Трав. У них тут представительство размером с наш главный зал.

— А вон там, — Чэнь Лэй прищурился и указал пальцем куда-то в сторону, — знак секты Огненного Лотоса. И рядом ещё один — не узнаю герб. Кто-то с востока, наверное.

Ёе Хань слушал их вполуха. Взгляд его тянуло не к башням, не к знамёнам кланов, а выше — туда, где над самым сердцем города, там, где частокол шпилей достигал предельной высоты, небо было расколото.

Он видел это на гравюрах. Слышал в песнях бродячих сказителей, которые пели о битве десяти тысячелетней давности так, будто сами при ней стояли. Отец рассказывал перед сном, когда Йе Хань был совсем маленьким и ещё не знал, что однажды кольцо на его руке заговорит чужим голосом. Но ни гравюра, ни песня, ни отцовский голос не подготовили его к тому, что это такое — увидеть воочию.

Золотой шрам рассекал небо от горизонта до горизонта, тонкий, будто волосная трещина на фарфоровой чаше, и в то же время — Йе Хань это чувствовал кожей, чем-то глубже глаз — огромный, как сама земля. Он не пылал, не мерцал, просто был: спокойная, немного скорбная полоса золотого света на голубом, вечная рана, которая давно перестала кровоточить, но так и не затянулась. Даже сейчас, среди бела дня, он был виден отчётливей, чем самое яркое облако.

Кольцо на пальце потеплело — едва заметно, будто узнавание.

«Ну наконец-то, — донёсся до него сухой, насмешливый голос из глубины сознания. — Десять тысяч лет я торчал в этом кольце и слушал, как ты жалуешься на мозоли от меча. Мог бы хоть спасибо сказать за вид».

Йе Хань чуть не подпрыгнул на месте — вслух, конечно, ничего не сказал, лишь стиснул зубы и мысленно рявкнул: «Тень Сюань, не сейчас».

«А когда? Когда ты в следующий раз будешь стоять посреди столицы и таращиться на дело моих рук, разинув рот,

как рыба?»

Дело твоих рук. Значит, всё-таки правда. Йе Хань украдкой взглянул на шрам ещё раз и почувствовал, как по спине пробежал холодок — не страха, а чего-то более сложного. Уважения, смешанного с жутью.

«Потом, — коротко ответил он духу. — Расскажешь потом».

«Как скажешь, мальчишка. Но советую запомнить это лицо неба. Не всякий раз оно бывает таким тихим».

Повозка вкатилась в тень исполинских городских ворот — трёх арок, каждая шире, чем главный зал клана Йе, — и голоса вокруг слились в единый гул, из которого выныривали то обрывки южного говора, то гортанные фразы северян, то смех, то крики торговцев, то далёкий звон храмового колокола. Йе Хань невольно придвинулся плечом к плечу с Йе Хуном — просто чтобы не потеряться в этом море, — и с некоторым удивлением заметил, что двоюродный брат сделал то же самое, не сговариваясь.

— Впервые вижу, чтобы ты выглядел настолько потерянным, — вполголоса заметил Йе Хун, хотя сам вертел головой не меньше.

— Впервые вижу, чтобы ты в этом признавался, — так же тихо отозвался Йе Хань.

Йе Хун фыркнул, но не стал спорить.

* * *

Регистрационный двор оказался отдельным городом внут-

ри города — огромной площадью, окружённой длинными галереями, где за резными столами сидели чиновники в синих одеждах Совета Континента, а перед каждым столом выстраивались очереди из делегаций. Йе Хань насчитал не меньше сорока знамён, прежде чем сбился со счёта: клановые гербы, сектантские символы, вымпелы вольных школ, знаки императорских академий с дальнего юга. Воздух гудел от переплетённых аур — кто-то не потрудился скрыть свою силу, и над толпой то и дело вспыхивали короткие всполохи духовной энергии, будто цветные искры над кузницей.

— Клан Йе, земли Грома, — представился Йе Хун чиновнику за столом, протягивая свиток с печатью отца. Голос у него был ровный, но Йе Хань видел, как напряжены у брата плечи — Йе Хун явно не привык быть в положении просителя.

Чиновник, сухощавый человек средних лет с усталыми, но цепкими глазами, пробежался взглядом по свитку, затем по лицам четверых прибывших — задержался на миг дольше положенного на Йе Хане — и черкнул что-то в толстой книге.

— Клан Йе. Четверо участников: двое — на боевой отбор, один — на алхимический тур, один... — он поднял бровь, глядя на Чэнь Лэя, — сопровождающий?

— Сопровождающий и будущая легенда, — с достоинством отозвался Чэнь Лэй. — Просто пока не оглашённая.

Чиновник даже не улыбнулся — судя по всему, за день

он слышал десятки подобных шуток, — и продолжил заполнять бумаги. Он объяснил формат почти механически, явно повторяя одно и то же в сотый раз за неделю: боевой отбор пройдёт турами по возрастающей сложности, от общего сева, где бьются все прибывшие сразу, до поединков один на один в высших кругах; параллельно, в отдельном крыле дворца, состоится алхимический тур, где мастера снадобий со всего континента будут соревноваться в составлении пилюль под наблюдением судей Совета; лучшие из обоих турниров получают место в новой школе, которую Совет создаёт для подготовки континента к неведомой, но явно надвигающейся угрозе.

— Неведомая угроза, — тихо повторил Йе Хань, взглянув на Су Юэ.

Она едва заметно кивнула — оба подумали об одном и том же: Секта Кровавой Луны, шрам в небе, кольцо на его руке.

— Расписание туров и списки соперников вывешиваются на Доске Тысячи Имён каждое утро, — закончил чиновник, ставя последнюю печать. — Проживание делегации клана Йе — гостиница «Лазурный Журавль», квартал Восточных Мостов. Приём у Совета — завтра на закате. Следующие!

Йе Хань уже повернулся, чтобы отойти, когда за спиной раздался голос — негромкий, но такой, что весь ближайший ряд столов будто на мгновение стих сам собой.

— Клан Йе, значит.

Йе Хань обернулся вместе со всеми и увидел женщину, спускавшуюся по мраморным ступеням галереи в сопровождении двух безмолвных стражей. Она была не старше тридцати с виду — хотя за плечами культиватора такого возраста могло скрываться что угодно, — в глубоком синем одеянии с вышитыми серебром облаками, с волосами, собранными в строгий узел, скреплённый простой нефритовой заколкой без единого лишнего украшения. Ничего кричащего в её облике не было — и именно поэтому она выделялась среди пёстрой толпы двора, как единственная спокойная нота в громком хоре. Стоило ей появиться, как чиновники за столами склонили головы чуть ниже, а несколько ближайших делегатов из других кланов торопливо отступили в сторону, освобождая проход.

— Принцесса-регент, — выдохнул чиновник за столом, стремительно вставая.

Йе Хань почувствовал, как рядом напрягся Йе Хун, а Су Юэ едва слышно втянула воздух. Он и сам поспешно склонил голову — недостаточно быстро, как ему показалось, потому что взгляд Юэ Лань уже был прикован именно к нему, и в этом взгляде читалось не праздное любопытство, а что-то куда более точное, будто она сверяла лицо перед собой с описанием, которое давно держала в памяти.

— Йе Хань, я полагаю, — произнесла она. Голос у неё был ровным, лишённым и тени заискивания или угрозы — голос человека, привыкшего, что его слушают без напоминаний.

— Мальчик с Расколом.

По двору прошла едва уловимая рябь — несколько голов повернулось в их сторону, и Йе Хань кожей ощутил, как десятки взглядов из соседних делегаций скользнули по нему, оценивая, взвешивая.

— Йе Хань, ваше высочество, — он заставил голос звучать твёрдо, хотя внутри всё сжалось в тугой узел. — Не уверен, что заслужил такое прозвище.

— Прозвища редко спрашивают разрешения, — по губам Юэ Лань скользнула тень улыбки, Впрочем, не достигшая глаз. — Совет получил донесение из земель Грома несколько лун назад. Трещина в небе над захолустным кланом — такое трудно не заметить, даже отсюда. — Она сделала шаг ближе, и Йе Хань с трудом удержался, чтобы не отступить. — Я слышала также, что по дороге в столицу на вашу делегацию напали разведчики Кровавой Луны. Это правда?

Он не успел придумать, стоит ли скрывать, — Йе Хун ответил первым, чётко и без запинки:

— Правда, ваше высочество. Мы отбили нападение и видели издалека одного из старейшин секты. Хуэй Ша.

Что-то мелькнуло в глазах Юэ Лань — не удивление, скорее подтверждение уже известного, но неприятного факта.

— Значит, они уже здесь, у стен столицы, а не только слухи о них, — сказала она, будто самой себе, затем снова обратила взгляд на Йе Ханя, и в нём читалось уже не столько подозрение, сколько трезвый, почти хищный интерес чело-

века, оценивающего фигуру на доске. — Совет будет рад видеть вас на отборе, Йе Хань. Постарайтесь не разочаровать нас — и не разочаровать себя. У этого турнира будет больше зрителей, чем вы привыкли.

Она развернулась и двинулась дальше по галерее так же спокойно, как появилась, и стражи бесшумно последовали за ней. Двор снова наполнился шумом, будто и не замирал.

— Она знает про кольцо, — тихо произнесла Су Юэ, когда все четверо наконец отошли к теневой колоннаде.

— Она знает достаточно, чтобы задавать правильные вопросы, — поправил Йе Хун, хмурясь. — Это хуже.

«Умная женщина, — заметил Тень Сюань со странной, почти одобрительной интонацией. — Не удивлюсь, если она уже прикидывает, как использовать тебя в своих играх, мальчишка. Осторожнее с ней. Регенты редко бывают такими же простыми, как их наряды».

Йе Хань промолчал, но слова духа засели где-то под рёбрами, рядом с тревогой, которая не уходила с самого прибытия в город.

* * *

Остаток дня ушёл на то, чтобы просто не потеряться. Квартал Восточных Мостов оказался переплетением каналов и узких улочек, где над водой висели гирлянды бумажных фонарей — их, как объяснил хозяин гостиницы, зажигали каждый вечер в честь турнира, — а вывески лавок соревновались друг с другом высотой и яркостью иероглифов. Су

Юэ то и дело останавливалась у прилавков алхимиков, разглядывая незнакомые травы с таким голодным вниманием, что Чэнь Лэй в шутку предложил купить ей верёвку, чтобы не потерялась. Йе Хун держался чуть позади, молча впитывая город цепким, оценивающим взглядом — Йе Хань видел, как брат считает знамёна встречных делегаций, будто прикидывая расклад сил перед первым туром.

К вечеру они добрались до самой гостиницы — приземистого, но опрятного здания с изогнутой крышей, вывеска которого изображала журавля, взлетающего над волной, — и хозяин, узнав о делегации клана Йе, с гордостью показал им лестницу на крышу: оттуда, по его словам, был лучший вид на весь квартал, а в ясную погоду — и на Шпили Совета в самом центре города.

Погода в тот вечер выдалась ясной.

Йе Хань поднялся на крышу первым, за ним — Йе Хун, потом Су Юэ и, отдуваясь после долгого дня, Чэнь Лэй. Отсюда, с деревянного настила, огороженного невысокими перилами, город открывался целиком: тысячи огней вспыхивали один за другим в сгущающихся сумерках, будто кто-то невидимой рукой зажигал звёзды не на небе, а на земле, а над всем этим морем крыш и шпилей золотой шрам разгорался в темноте всё ярче, пока не стал единственной по-настоящему яркой линией на потемневшем небосводе.

— Знаете, — задумчиво произнёс Чэнь Лэй, усаживаясь на перила и болтая ногами, — я всё детство думал, что наш

клановый двор — это самое большое место, какое вообще существует. А теперь я даже не вижу отсюда его края — то есть я вообще не вижу отсюда наш клан.

— Отсюда до наших земель три недели пути, — напомнил Йе Хун, но в его голосе не было привычной насмешки — только усталое, честное удивление. — Три недели, и мы ещё даже не в центре континента.

— Страшно, — тихо сказала Су Юэ, облокотившись на перила рядом с Йе Ханем. Ветер шевелил выбившуюся прядь у неё за ухом. — Там, дома, ты был лучшим в клане. Здесь ты просто ещё один из тысяч.

— Не совсем просто ещё один, — заметил Йе Хань, невольно поднимая взгляд на шрам в небе. — Регент явно так не думает.

— Тем более страшно, — Су Юэ повернулась к нему, и в глазах у неё, вопреки словам, читалось не столько страх, сколько азарт человека, стоящего на краю чего-то огромного. — Но и тем более стоит того, чтобы быть здесь. Ты чувствуешь это? Весь этот город будто гудит от того, сколько силы в нём собралось.

Йе Хань чувствовал. Аура столицы давила на плечи с самого въезда в ворота — не враждебно, но неотступно, тысячи и тысячи культиваторов, чьи ци-потoki сплетались в единый низкий гул, который, казалось, поднимался прямо из брусчатки улиц.

— Дома я боялся, что никогда не выберусь дальше грани-

цы наших земель, — тихо сказал он, не отрывая взгляда от золотой трещины над крышами. — А теперь я стою на крыше гостиницы в столице и смотрю на шрам, который, оказывается, оставил дух, живущий в моём кольце.

— Жизнь у тебя не скучная, это точно, — хмыкнул Чэнь Лэй.

— Скучная была бы лучше, — вставил Йе Хун, но на этот раз в его голосе прозвучало что-то похожее на сухое сочувствие, а не привычную колкость. Он тоже смотрел на шрам, и на миг Йе Хань увидел на лице брата отражение того же благоговения, какое чувствовал сам. — Как думаешь, отец бы гордился, увидев нас здесь?

Вопрос застал Йе Ханя врасплох — не столько содержанием, сколько тем, что его задал именно Йе Хун, вслух, без тени вызова.

— Думаю, да, — ответил он после паузы. — Обоими.

Йе Хун не ответил, но и не отвернулся — просто стоял рядом, глядя на далёкие шпили Совета, которые в темноте казались вырезанными из чёрного стекла, подсвеченного снизу тысячами окон.

Внизу, на канале, проплыла лодка с фонарями, и её отражение разбилось на воде золотыми и алыми бликами. Где-то в глубине города зазвучал колокол, отбивающий вечерний час, и ему тут же ответил другой, а затем третий, дальше и дальше, пока весь Ланьтянь не наполнился этим низким, раскатистым звоном, будто сам город дышал.

Йе Хань стоял, вслушиваясь в этот звук, чувствуя тепло кольца на пальце и тяжесть золотого шрама над головой, и впервые за долгий путь позволил себе просто на мгновение забыть о тревоге. Завтра начнётся приём у Совета. После-завтра, быть может, — первые списки соперников. А где-то там, в толпе десятков тысяч чужаков, уже наверняка ходит Хуэй Ша или его люди, выжидая своего часа.

Но сегодня был просто вечер в городе, о существовании которого он ещё месяц назад знал только по песням.

«Наслаждайся, пока можешь, мальчишка, — донёсся го-лос Тени Сюаня, на удивление тихий, почти мягкий. — Та-кие вечера в этом городе выпадают редко. Я знаю — я видел его и в лучшие времена, и в куда более страшные».

Йе Хань промолчал, но чуть крепче стиснул перила и ещё раз обвёл взглядом раскинувшийся внизу город — тысячу шпилей, тысячу огней и один-единственный золотой шрам, под которым завтра решится, кто он такой на самом деле.

Глава 4

Лин Фэн

* * *

Тренировочная площадка для участников Отбора занима-ла едва ли не четверть западного квартала столицы — утоп-танная земля, разбитая на десятки формационных кругов, каждый со своим барьером ци, чтобы соседи не покалечили друг друга сгоряча. Даже сюда, за версту от главных ворот дворца, долетал гул города: крики торговцев, звон колоколов

на шпильях, где-то вдалеке — рёв толпы, собравшейся поглазеть на прибытие очередной знатной делегации.

Йе Хань стоял у края одного из свободных кругов и разминал плечи, всё ещё непривычные к тому, что три дня пути позади и впереди — только зал регистрации, толпа незнакомых лиц и Шрам Небес, золотой трещиной висящий над горизонтом, будто напоминание, что он здесь не просто так.

— Не поверю, что тебе действительно нужно разминаться, — заметила Тень Сюань со своей обычной ленцой. — Твоё тело держит в себе силу, которой позавидовал бы иной Полу-Святой, а ты кряхтишь, как дед над мотыгой.

«Разминка — это привычка, а не необходимость, — мысленно ответил Йе Хань. — К тому же на нас смотрят».

И действительно смотрели. Со всех сторон площадки — юноши и девушки в цветах десятков кланов и сект, кто-то в дорогих доспехах с вышивкой, кто-то в простых тренировочных одеждах, — и почти все они, заведев делегацию клана Йе, задерживали взгляд на пол мгновения дольше положенного. Слух о Мальчике-с-Расколом, судя по всему, добежал до столицы раньше самого мальчика.

— Хоть бы для приличия делали вид, что не пялятся, — проворчал Чэнь Лэй, идущий рядом с мешком провизии на плече — он так и не расстался с ним даже здесь. — Я, между прочим, тоже ничего себе. Вон та девушка в зелёном на меня как минимум дважды посмотрела.

— Она смотрела на мешок, — сказала Су Юэ, не подни-

мая головы от свитка регистрации, который читала на ходу. — Судя по запаху вяленого мяса, доносящегося от него на десять шагов, я бы тоже посмотрела.

— Это защитное обоняние выдающегося странника! Меня учили экономить провизию!

— Тебя учили есть впрок, потому что ты боишься, что еда закончится раньше, чем турнир начнётся.

Йе Хунь шёл чуть впереди, прямой, как копье, ни разу не обернувшись на пикировку друзей позади. За три дня пути и один день в столице он не сказал Йе Ханю больше десятка слов сверх необходимого — но и колкостей, к удивлению самого Йе Ханя, не бросал тоже. Что-то в нём словно замерло на грани, ожидая, в какую сторону качнётся весы.

Свободный круг нашёлся у самого края площадки, вдали от толп — Йе Хань шагнул было к нему, разворачивая плечи для лёгкой разминки формы, когда откуда-то сбоку раздался голос, ровный и до странности уверенный для юноши, которому на вид было не больше лет, чем ему самому.

— Этот круг занят.

Йе Хань обернулся. У противоположного края формационного барьера стоял парень в лёгких серых одеждах, подпоясанных зелёным шёлковым кушаком — цвет клана Лин, вспомнил Йе Хань из вчерашних разговоров о влиятельных семьях столицы. Высокий, худощавый, с мечом за спиной в ножнах цвета выцветшей бирюзы — таким мечом не хвастаются на людях, если только не уверены, что он того стоит.

Лицо — резкое, красивое той холодноватой, аристократической красотой, что бывает у людей, никогда всерьёз не сомневавшихся в собственной ценности.

— Странно, — ответил Йе Хань, окидывая взглядом пустой круг, — я не вижу здесь ни фляжка распорядителя, ни таблички с именем. Обычно места занимают, а не просто объявляют занятыми издалека.

— Я стоял здесь раньше тебя. Отошёл за флягой воды. Этого достаточно.

— По такой логике половина столицы могла бы объявить себя владельцем чего угодно, стоило бы отойти за флягой воды.

Уголок губ незнакомца дрогнул — не улыбка, скорее предвестие насмешки.

— А ты, стало быть, любишь спорить о правилах вместо того, чтобы просто найти другой круг. Их здесь три десятка, если ты не заметил.

— Я заметил. Просто мне не нравится, когда мне указывают на них таким тоном, будто я мешаю важному человеку.

— Ты и мешаешь, — спокойно сказал парень. — Просто ещё не знаешь, насколько важному.

Чэнь Лэй за спиной у Йе Ханя издал тихий сдавленный звук — не то смешок, не то предчувствие катастрофы.

— О, мне уже нравится этот парень, — прошептал он Су Юэ. — Он говорит ровно то, что я думаю про Йе Ханя, только вслух и без последствий.

— Тише, — шикнула Су Юэ, но и в её голосе была нотка любопытства, которую она не потрудилась скрыть.

— Лин Фэн, — представился незнакомец, будто одно только имя объясняло всё, что требовалось объяснить. — Клан Лин, земли Ветра. Не откажу себе в удовольствии узнать, с кем спорю о свободном месте на тренировочной площадке.

Что-то в том, как он произнёс собственное имя — без хвастовства, но и без малейшей тени сомнения, что оно должно быть узно, — задело Йе Ханя сильнее, чем сам спор о круге.

— Йе Хань. Клан Йе, земли Грома.

Взгляд Лин Фэна на мгновение изменился — не удивление, скорее узнавание, как будто кусочек мозаики встал на место.

— Мальчик-с-Расколом, — произнёс он, и в голосе не было ни насмешки, ни благоговения, только ровная констатация факта. — Забавно. Я представлял тебя выше.

— А я представлял тебя более занятым делом, чем охрана пустых кругов.

— Кто-то с известным именем должен же был поставить тебя на место, — Лин Фэн развёл руками, будто извиняясь за неизбежное. — Иначе ты рискуешь решить, что слава Совета делает тебя особенным везде, а не только там, где о тебе слышали.

— Как трогательно, что ты так заботишься о моём душев-

ном здоровье.

— Профессиональная деформация. Меня с детства окружают люди, уверенные в собственной исключительности. Я научился распознавать их с первого взгляда.

— И часто ты ошибаешься?

— Ни разу, — сказал Лин Фэн без всякого намёка на шутку. — Хочешь стать первым исключением?

В голосе его была та особая уверенность, что рождается не из тщеславия, а из привычки — привычки быть правым, привычки, что от него ждут многого, и он никогда, ни разу, эти ожидания не подводил. Йе Хань узнал эту интонацию мгновенно, потому что сам провёл полжизни на другом полюсе того же самого чувства: там, где от тебя не ждут ничего, и каждый успех — сюрприз, граничащий с оскорблением для окружающих.

— Хочешь проверить прямо здесь? — спросил Йе Хань негромко.

— С удовольствием, — Лин Фэн потянулся к рукояти меча за спиной, и движение это было таким плавным, таким лишённым усилия, что Йе Хань невольно отметил: этот парень не блефует.

— Йе Хань, — раздался предупреждающий голос Су Юэ. Но остановить их успела не она.

— Драки на регистрационной площадке запрещены под страхом дисквалификации, — прозвучал новый голос, властный и совершенно не терпящий возражений, со сторо-

ны ближайшего распорядительского помоста.

Принцесса-регент Юэ Лань появилась там, казалось, из ниоткуда — хотя, скорее всего, просто обходила площадку с обычным вечерним осмотром и оказалась достаточно близко, чтобы заметить назревающий инцидент. Её сопровождали двое стражей в лазурных доспехах, но останавливать двоих юношей ей, судя по всему, не требовалась чужая сила — хватило одного взгляда, брошенного поочерёдно на Лин Фэна и Йе Ханя.

— Юный мастер Лин, — произнесла она, и в тоне её слышалась усталая, но не сердитая узнаваемость, — вы снова застолбили круг раньше положенного часа?

— Я всего лишь защищал свои интересы, ваше высочество, — отозвался Лин Фэн с поклоном настолько безупречным, что в нём чувствовалась заученность многолетней практики.

— Ваши интересы простираются на треть площадки каждый раз, когда вы здесь появляетесь. — Юэ Лань перевела взгляд на Йе Ханя, и в этом взгляде мелькнуло что-то похожее на любопытство. — А вы, полагаю, тот самый юноша из клана Йе, о котором Совет счёл нужным упомянуть лично.

— Йе Хань, ваше высочество.

— Хорошо. Тогда позвольте избавить вас обоих от необходимости калечить друг друга раньше срока: и у отборочного тура, и у самого турнира будет достаточно возможностей для того, чтобы выяснить, кто из вас более... впечатля-

ющий. — Последнее слово она произнесла с едва уловимой иронией, адресованной, кажется, им обоим сразу. — До тех пор — либо тренируйтесь порознь, либо тренируйтесь вежливо. Второе, признаться, я не наблюдала здесь ни разу за все три дня отбора.

Стражи за её спиной обменялись взглядами, в которых читалось нечто вроде "снова он".

— Как прикажете, ваше высочество, — Лин Фэн склонил голову, но, выпрямляясь, всё же не удержался и бросил в сторону Йе Ханя короткий, острый взгляд — не враждебный, скорее оценивающий, будто ставил невидимую зарубку на память.

Юэ Лань удалилась столь же внезапно, как появилась, — к следующему кругу, где, судя по звукам, кто-то уже успел устроить куда более серьёзное нарушение порядка.

— Что ж, — сказал Лин Фэн, убирая руку от меча так же плавно, как и потянулся к нему, — раз официальная драка отменяется, может, покажешь хотя бы форму? Или Мальчик-с-Расколом бережёт силы для более благодарной публики?

Что-то в этом предложении — не вызов, а именно приглашение, лёгкое, почти дружеское, — заставило Йе Ханя пересмотреть первое впечатление. Этот человек не хотел унижить его. Он хотел увидеть.

— Одну форму, — согласился Йе Хань. — Раз уж круг всё равно свободен теперь официально.

Он шагнул внутрь барьера, вытянул руку — без меча, просто ладонь, — и позволил ей течь по знакомому руслу техники клана Йе, Громовому Шагу, не вкладывая в неё и десятой доли настоящей силы. Воздух вокруг ладони затрещал едва слышно, голубоватые искры пробежали по костяшкам пальцев и погасли.

Лин Фэн наблюдал молча, склонив голову набок, с тем особым, оценивающим прищуром, каким мастера смотрят не на результат, а на путь, которым к нему пришли.

— Контроль неплохой, — признал он наконец. — Для человека, который явно прячет большую часть того, чем на самом деле владеет.

— С чего ты взял, что я прячу?

— Потому что я делаю то же самое, — Лин Фэн вытащил меч из ножен одним движением, настолько быстрым, что воздух вокруг клинка на мгновение засвистел, будто разрезаемый пополам. Он не ударил — просто исполнил короткую форму, стойку и выпад, обёрнутые полупрозрачной пеленой ветра, что взметнула пыль на добрых три шага вокруг. Техника была безупречна той безупречностью, что достигается не талантом одним, а годами дисциплины, наложенными поверх таланта. — И я узнаю чужую сдержанность с первого взгляда. У меня богатая практика в собственной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.